

Е. Г. Задворная

Минский государственный лингвистический университет

СУБЪЕКТНЫЙ АСПЕКТ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПОСТУЛАТОВ РЕЧЕВОГО ОБЩЕНИЯ

Одно из магистральных направлений исследований для Дмитрия Георгиевича Богушевича было связано с развитием идей, высказанных в области изучения принципов речевого общения. Не случайно в их перечне наряду с принципом кооперации, разработанным Г. П. Грайсом, принципом вежливости, сформулированным Дж. Личем, принципом сохранения имиджа, постулированным П. Браун и С. Левинсоном, нередко значится и предложенный Д. Г. Богушевичем принцип прагматической достаточности [1].

Работы Дмитрия Георгиевича в этой области всегда побуждали вновь и вновь задумываться о том, что в лингвопрагматике нет и не может быть ничего однозначно интерпретируемого и непроблематизируемого, что любая концепция есть гибкий и подвижный феномен, который может и должен корректироваться, модифицироваться и развиваться.

В полной мере это относится и к принципу кооперации, который наиболее очевидным образом коррелирует с предложенным Дмитрием Георгиевичем принципом прагматической достаточности: эта, на первый взгляд, в высшей степени устойчивая теоретическая конструкция, включающая четыре категории и девять постулатов, оказывается весьма гибкой и пластичной. Как представляется, эта пластичность связана, как минимум, с двумя аспектами, а именно дискурсивной и субъектной координатами интерпретации.

При осмыслении зависимости постулатов принципа кооперации от характеристик дискурсивной сферы, в рамках которой они реализуются, в принципе возможны два подхода: первый отличается универсализмом, в то время как второй фиксирует дискурсивную специфичность манифестации соответствующих постулатов.

Первый подход представлен в работах Г. П. Грайса, который подчеркивал, что сформулированные им постулаты универсальны не только для любых видов речевого общения, но и для человеческого взаимодействия в целом [2]. Любопытно, что та же идея высказывалась и по отношению к процессам интерпретации речи и текста; так, Т. А. ван Дейк и В. Кинч в своем анализе стратегий интерпретации текста исходили из открыто заявленной презумпции единообразия протекания соответствующих когнитивных процессов при чтении газетной заметки и «Войны и мира» [3].

Неоднозначность такой унификации не раз подвергалась критическому осмыслению с позиций признания специфичности аранжировки принципов речевого общения в различных дискурсивных сферах [4]. В свою очередь, этот подход достаточно вариативен и предусматривает возможность различных решений, в частности:

- принятие «слабой» интерпретации принципа кооперации (т. е. признание различной степени значимости отдельных категорий и постулатов в определенных коммуникативных сферах);

- обогащение системы постулатов за счет принципа функционализма, который призван фиксировать приоритетность характеристик дискурсивной сферы, определяющих степень жесткости требований к соблюдению каждого постулата;

- построение специфической иерархии постулатов для каждой дискурсивной сферы, в том числе:

- а) возможное повышение статуса одного из постулатов до уровня принципа (например, подъем категории способа для художественного дискурса);

- б) перестроение конфигурации категорий и/или постулатов с расширением их состава (ср. категории конструктивизма и уникальности для художественного дискурса), а также возможным пересмотром их содержательного наполнения (см. также [4, с. 44–50]).

Что же касается субъектной координаты интерпретации, то здесь необходимо учитывать, что ни один из постулатов принципа кооперации не

является абсолютно прозрачным и однозначно трактуемым в силу того, что у двух участников речевого взаимодействия вполне могут быть разные цели и разные представления о том, сколько, что и как нужно говорить для достижения этих целей, что приводит к разнообразным интерпретационным асимметриям.

Так, асимметричная интерпретация постулатов категории количества представлена в ситуациях, когда один коммуникант убежден, что сказал ровно столько, сколько нужно для достижения текущих целей коммуникации, в то время как его собеседник этого мнения не разделяет, ср.:

– *Ты должна рассказать, что случилось. Только очень подробно и во всех деталях. Мне и Багратионову. Мы должны понять, кто на тебя напал и зачем.*

– *Я шла, а потом меня то ли ударили по голове, то ли придушили, я не поняла. Вот я рассказала. Очень подробно и во всех подробностях.*

– *Лиля, это не шутки!*

– *Какие уж тут шутки!* (Т. Устинова. Где-то на краю света).

В приведенном контексте Лиля полагает, что выполнила требования первого постулата категории количества; Олег считает, что Лиля этот постулат сознательно нарушает.

Противоположный случай представлен в контекстах, в которых говорящий полагает, что соблюдает категорию количества, в то время как собеседник считает, что получает избыточную информацию:

– *...Это – семь разных человек, разного социального положения, разного образовательного уровня, разного, в конце концов, энкидусодержания. При этом двое даже не подозревают о своей принадлежности к великому герою.*

– *Говори короче, – оборвал я.*

– *Я и говорю по возможности кратко. Просто приходится разжевывать... для недоумков* (Е. Хаецкая. Синие стрекозы Вавилона. Обретение Энкиду; Национальный корпус русского языка).

Любопытно, что корректный ответ на вопрос, является ли в подобных случаях речевое поведение говорящего кооперативным, в сущности, невозможен: в системе координат говорящего его поведение вполне кооперативно, но с точки зрения слушающего, нормы кооперативного поведения нарушены.

В ряде случаев подобные интерпретационные асимметрии носят системный характер, т. е. обусловлены не столько ситуативным, локальным расхождением в целях и/или интересах коммуникантов, сколько с их статусно-ролевыми позициями (в подобных случаях наблюдается совмещение дискурсивно и субъектно обусловленных различий в интерпретации норм речевого поведения). Например, вполне обычными и прогнозируемыми подобными ситуациями являются в медицинском дискурсе, когда пациент «перегружает» врача избыточными подробностями, искренне полагая, что они могут быть важны для постановки диагноза или определения стратегии лечения (т. е. рассматривая свое поведение как вполне кооперативное), или

в педагогическом дискурсе, если студент, отвечающий на экзамене, убежден, что количества воспроизведенной им информации вполне достаточно для выставления определенной оценки, в то время как экзаменатор имеет на этот счет иное мнение. Разумеется, в приведенных коммуникативных ситуациях возможно и совпадение представлений о достаточном количестве информации, и несовпадение противоположного типа (если пациент умалчивает о важных симптомах, а студент перегружает ответ избыточными сведениями), но здесь важно не столько исчислить все возможные варианты совпадений/несовпадений, сколько зафиксировать типичность (для определенной дискурсивной сферы) определенных асимметрий обсуждаемого типа.

Аналогичная картина наблюдается по отношению к постулатам категории качества: говорящий может быть убежден, что его утверждения обоснованны и аргументированы; слушающий же может полагать, что адресант говорит то, для чего у него нет достаточных оснований (т. е. нарушает второй постулат категории). Ср., в частности, жанр научной рецензии, когда рецензент считает, что автор работы располагает не вполне репрезентативным исследовательским материалом, недостаточно корректно провел эксперимент, не выстроил адекватные схемы аргументации и т. п., в то время как автор рецензируемой работы с такими оценками не согласен. Опять-таки подчеркнем, что проблема в подобных случаях заключается не в том, что коммуникант объективно нарушает определенный коммуникативный постулат, а в том, что два собеседника имеют на этот счет различные представления.

Особенно любопытно выглядит подобное рассогласование в том случае, когда оно усложняется за счет специфической параметризации адресата, ср. показательный контекст, в котором трактовка первого постулата категории качества («Не говори того, что считаешь ложным») тематизируется с акцентированием того обстоятельства, что интерпретация слов собеседника как заслуживающих или не заслуживающих доверия обусловлена множественностью ролевых позиций, которые может занимать интерпретирующая сторона:

...Вот, к примеру, вы утверждаете, что не брали денег. Должен ли я вам верить? Как философ я не верю ни во что. Как сыщик я принимаю ваше утверждение в расчет, но ставлю под сомнение. Как человек я вам полностью верю (Р. Стаут. Снова убивать; пер. с англ. А. Мельникова).

Интерпретационная асимметрия относительно категория отношения (и, соответственно, постулата релевантности) может быть проиллюстрирована при помощи следующего фрагмента:

На балконе были сумерки, славные, теплые, июльские. Луна, прозрачная, летняя, висела над дальними елками, и елки казались синими, и асфальтовая дорожка внизу тоже казалась синей и серебряной. Цикады трещали, то затихали, то начинали с новой силой.

– Как я люблю лето, – сказала Марина и даже зажмурилась от удовольствия, – больше всего на свете.

- *А я Новый год, – поддержал ее Федор, – очень люблю Новый год!*
  - *При чем тут Новый год?*
  - *Прекрасный праздник. По-моему, самый лучший!*
  - *Я говорю, что люблю лето. При чем тут праздник Новый год?*
  - *При том, что это самый лучший праздник в году!*
- Все-таки он кретин (Т. Устинова. Мой генерал).*

И вновь вопрос о том, является ли речевое поведение одного из коммуникантов (в данном случае Федора) кооперативным, не предполагает однозначного ответа. Специфика ситуации заключается не в том, что постулат релевантности («Не отклоняйся от темы») нарушается, а в том, что коммуниканты по-разному интерпретируют заданную Мариной тему: она полагает, что это тема «Лето как лучшее время года», а Федор считает, что они обсуждают более широкую тему – что-то вроде «Лучшее/любимое время года». Соответственно, его речевые действия в рамках его темы абсолютно кооперативны, а в рамках темы Марины – неуместны.

В зоне подобных асимметрий могут оказываться и постулаты категории способа. В частности, постулат, предписывающий коммуникантам избегать ненужных слов и выражений, нередко трактуется собеседниками по-разному, что, в частности, характерно для подготовительных коммуникативных ходов, перспективно обеспечивающих успешность основного коммуникативного действия. В принципе наличие таких действий (разумеется, при решении определенного круга коммуникативных задач) считается признаком хорошего тона и свидетельствует о высоком уровне коммуникативной компетентности говорящего, ср. необходимость минимальной подготовки даже в стереотипных ситуациях типа вопроса о времени, местоположении какого-либо объекта и т. п.: *Извините, пожалуйста, вы не подскажете, который час/где здесь ближайшая станция метро/как проехать к вокзалу?* (очевидно, что игнорирование дополнительных подготовительных ходов создает впечатление невежливости или, как минимум, коммуникативной небрежности говорящего). Другое дело, что количество таких ходов и степень их развернутости локализуется в зоне персонального выбора говорящего и поэтому может провоцировать ситуационные интерпретационные асимметрии, ср.:

- *Я только что вошла, еще даже не разделась.*
- *Маша... – он опять помолчал. – Ты же знаешь, что можешь обратиться ко мне с любой просьбой, я все сделаю...*
- *Юра, если можно, короче, сил нет.*
- *В общем, – было похоже, что он наконец собрался с духом, – ты могла бы кое-что сделать для меня? (Е. Топильская. Помни о смерти (memento mori); Национальный корпус русского языка).*

Ср. схожий пример, когда говорящий считает необходимым тщательно, развернуто и аргументированно подготовить свою просьбу (причем продуманная подготовка в данном случае соответствует социоролевым

коммуникативным конвенциям), в то время как адресат воспринимает эту подготовку в качестве ненужных, избыточных и пустых коммуникативных действий:

– *Мама, у меня к тебе очень, очень важное дело. Я хочу поехать с Костей на каникулы к ним на дачу.*

– *Хочешь, так поезжай, – отвечаю я.*

Машка не ожидала такого поворота событий. Она приготовилась к моему сопротивлению, а сопротивления не последовало. И было похоже, как если бы она разбежалась, чтобы вышибить дверь, а дверь оказалась открытой (В. Токарева. Звезда в тумане).

Противоположный вариант представлен в случаях, когда говорящий нарушает требования данного постулата, не используя подготовительных коммуникативных ходов там, где они необходимы (или, по крайней мере, желательны), что противоречит интересам и ожиданиям слушающего:

Неуемная энергия Дела пронизывала концертанта насквозь, и, когда, окликнув, я его нагнал, он не высказал удивления, не сбавил шагу, а скоро-скоро, доверительным полупшепотом ввел меня в курс последних новостей с французского берега:

– *Мишель очень беспокоится, хочет знать, что ты решил насчет приезда. Напиши ей – я передам. «Все правильно, деловая информация и должна выдаваться вот так споро, без прелюдий и сантиментов», – обескураженно-обиженно думал я, сидя за кулисами (Д. Карапетян. Владимир Высоцкий. Воспоминания; Национальный корпус русского языка).*

Симптоматично, что в данном контексте коммуникант, «обескураженно-обиженный» отсутствием адекватной коммуникативной подготовки, объясняет (и отчасти оправдывает) коммуникативное поведение партнера дискурсивными стандартами коммуникации, а именно нормами делового общения.

В ряде случаев ремарки типа *без прелюдий, без предисловий* и т. п. используются непосредственно самим говорящим, который отдает себе отчет в том, что правила кооперативного поведения предполагают использование определенных превентивных коммуникативных ходов, но тем не менее по каким-либо причинам эти ходы опускает, имплицитно коммуникативные смыслы типа ‘Я понимаю, что здесь необходима определенная коммуникативная преамбула, но считаю возможным ее игнорировать’, или, в переводе на язык коммуникативно-прагматического анализа, ‘Я кооперативный коммуникант, но у меня есть причины нарушить один из постулатов категории способа’. В результате коммуникант использует превентивные ходы, реализующие один из аспектов соответствующего постулата категории способа и компенсирующие нарушение другого аспекта этого постулата, ср.:

Там он быстро провел ее в пустой кабинет хозяина, закрыл дверь и сказал:

– *У нас мало времени, обойдемся без предисловий. Мне известно, что в ночь смерти Якова Семеновича вы были в «Аркадии» (Л. Юзефович. Дом свиданий; Национальный корпус русского языка).*

Таким образом, анализ субъектных аспектов постулатов принципа кооперации позволяет зафиксировать широкий спектр вариативных интерпретационных асимметрий, также демонстрирует тесную взаимосвязь и взаимообусловленность субъектной и дискурсивной координат интерпретации одного из фундаментальных принципов речевого общения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Богушевич, Д. Г.* Коммуникативная модель языка. Коммуникативная достаточность / Д. Г. Богушевич // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал [Электронный ресурс]. – 2011. – № 2 (23). – Режим доступа: http://tverlingua.ru/archive/023/3_23.pdf. – Дата доступа: 15.02.2012.
2. *Грайс, Г. П.* Логика и речевое общение / Г. П. Грайс // Новое в зарубежной лингвистике : сб. ст. – М., 1985. – Вып. 16 : Лингвистическая прагматика. – С. 217–237.
3. *Дейк, Т. А. ван.* Стратегии понимания связного дискурса / Т. А. ван Дейк, В. Кинч // Новое в зарубежной лингвистике: сб. ст. – М., 1988. – Вып. 23 : Когнитивные аспекты языка. – С. 153–211.
4. *Баранов, А. Г.* Функционально-прагматическая концепция текста / А. Г. Баранов. – Ростов н/Д : Изд-во Рост. ун-та, 1993. – 180 с.